

Церкви, особенно если они были каменные (тогда как дворцы были деревянные), избегали этой участи чаще потому, что татары не вели войны против христианства, и потому, что в России — в противоположность Византии и балканским странам, завоеванным турками — победители не селились в завоеванных областях и не обращали церквей в мечети. Другими словами, наиболее радикальному уничтожению подвергались светские произведения искусств и светские здания, и это объясняет большую редкость сохранившихся произведений светского искусства. Одиночество такого произведения светской поэзии, как «Слово», может быть таким же кажущимся, как и одиночество различных произведений светской скульптуры или живописи домонгольского периода.

Одновременно со зданиями и движимыми ценностями исчезали часто и те, кто ими пользовались: те же раскопки показали, что защитники городов и зданий погибали вместе с ними и с произведениями искусств, которые их окружали. Большинство русских кладов восходит именно ко времени татарских набегов,² что, конечно, не только говорит о страхе, в котором находилось тогда русское население, но и о том, что этот страх был обоснован: до нас дошло много кладов потому, что смерть или плен не позволили их владельцам отыскать закопанное. За каждым кладом угадывается разрыв с прошлым — смерть или уход без возвращения — и вместе с этим возможный перерыв какой-то бытовой, технической или художественной традиции. Клады позволяют наглядно представить, как прерывалась такого рода традиция или просто как знание определенных художественных произведений становилось «выморочным».

Если отдать себе отчет в размерах этих разрушений, становится особенно удивительным, что домонгольская Россия нам завещала серию светских произведений искусства, которая пропорционально более значительна, чем в других странах византийской экспансии, несмотря на то что в этих же областях сохранилось множество произведений религиозного искусства. Имею в виду Грузию, Болгарию, Сербию, Македонию, Румынию и самую Грецию. Единственное исключение — Константинополь. Там, правда, не осталось почти ничего от монументального светского искусства, но к этому искусству восходят многочисленные произведения гражданского прикладного искусства, в настоящее время рассеянные по всему миру. Эти произведения и некоторые описания разрушенных памятников свидетельствуют о том, что в византийской столице светское искусство занимало значительное место и отличалось большим многообразием. Нужно, однако, признать, что известный успех этого искусства в древней Византии — наследии бесчисленных традиций античного мира — удивляет значительно меньше, чем то пропорционально значительное место, которое светское искусство занимает среди сохранившихся памятников древнерусского домонгольского искусства. Нечего и говорить, впрочем, что было бы неуместно сравнивать совокупность русских светских художественных произведений этого периода, обнимающего два или три века (X—XIII вв.), и всю массу византийских гражданских памятников, созданных в течение более чем тысячи лет. Но именно потому, что в России амплитуда художественной деятельности в эпоху раннего средневековья была менее значительна, чем в Византии, и что русские светские памятники подвергались массовому разрушению во время татарского нашествия, наличие заметного числа русских гражданских произведений искусств требует особого объяснения.

² Г. Ф. Корзухина Русские клады IX—XIII вв. М.—Л., 1953, стр. 5—7; Б. Рыбаков Ремесло в древней Руси. М.—Л., 1948, стр. 238—240